

7851
ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

СБОРНИК
СТУДЕНЧЕСКИХ НАУЧНЫХ РАБОТ
(Краткие сообщения)

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
ЛИНГВИСТИКА

ТАРТУ 1973

К ПРОБЛЕМЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЦИТАЦИИ

Г. Левинтон

I. Некоторые "научные" подтексты Манделштама были рассмотрены нами в работе о стихотворении "На каменных острогах Пиэрии" (в частности, "Историческая поэтика" Веселовского). Здесь нам пришлось столкнуться с темой, отмечавшей почти всеми исследователями, — темой связи языков и культур, многочисленными сближениями греческой, латинской, итальянской, немецкой речи и культуры с русской культурой и языком (русская речь как наследник греческой культуры, "чужеземных арф родник" в русском языке и др.). Причем, как правило, одно из таких сближений влечет за собой другое.

2. Естественно предполагать, что одним из источников этой темы, помимо концепции единой европейской культуры, является и языковое родство индоевропейцев. Особенно показательна в этом отношении строфа, в которой Брейд справедливо видит "лингвистический подтекст":
"А я пою вино времен / Источник речи итальянской / И в колыбели праарийской / Славянский и германский лен".
Очевидно, что речь здесь идет об этимологическом тождестве славянского и германского названий льна (а также и вина, причем, в русском языке это слово считалось германским заимствованием). На фоне ряда "русско-германских" сближений в "Зверинце", откуда взята эта строфа ("И стает полноводней Волга / И рейнская струя светлей" и др.), эти строки приобретают особую значимость, и их "лингвистический подтекст" (особенно терминология индоевропеистики — праарийская колыбель — ср. проблему прародины; италийский — слово, употребительное в первую очередь в лингвистических работах) может стать существенным компонентом в объяснении общекультурных концепций Манделштама. Сближение именно русского и германского может объясняться гипотезой славяно-германского (балто-славяно-германского) языкового единства; так, в "Разговоре о Данте" итальянская речь противопоставлена "германской шипучести и славянской какофонии" — ср. тему

Бозие в "Египетской марке" (Д.М.Сегал, Л.Я.Гинзбург) и батрикковские ассоциации этой темы (В.Н.Топоров).

3. Несмотря на второстепенность этого вопроса, интересно все же выяснить непосредственные источники "индоевропейской тематики"; следует отметить, во-первых, что ко времени написания этого стихотворения уже существовал словарь Преображенского, во-вторых, кажется, следует обратить внимание на вышедший в 1913 г. перевод книги О.Шрадера "Индоевропейцы". Шрадер упоминает о родстве германского и латинского названий льна (с.46), ср. также греч. λίνον (ср. в "Трех главах из исторической поэтики" Веселовского, - знакомство Мандельштама с этой работой можно считать доказанным, - упоминание греческой хороводной песни о Лине и несколькими страницами ниже - русских игровых песен о льне - второй раздел I главы). Здесь также специально рассматривается слово вино, причем, утверждается, что немецкое wein - латинское заимствование ("перешло в Германию вместе с римской виноградной культурой и латинским названием vinum - с.77), ср. здесь же о родстве латинского и греческого названия вина. Иначе говоря, здесь указывается италийский источник немецкого названия вина, поэтому можно думать, что слово источник употреблено у Мандельштама не только в "бытовом", но и в лингвистическом смысле. С другой стороны, вино, как источник речи, на фоне ряда других текстов (рассмотренных нами в указанной работе) связано с мотивом меда поэзии, который у Мандельштама восходит как к греческому, так и к скандинавскому (эддическому) мифу. Поэтому важна связь цитированной строфы с "Валгалы белое вино" в стихотворении "Когда на площадях", - при этом речь идет не (только) о скандинавских, но (и) о континентальных германцах, - ср. упоминание рейнвейна^I (ср. в поздних стихах соседство слов мозельвейн и Валгала). В этой связи становится значимым, что у Шрадера целая глава посвящена индоевропейскому

^I Ср. в "Зверинце": "И реинская струя светлей" и "И светлый облик северного мужа / Напоминает нам оно" (= "Вино Валгалы").

опьяняющему напитку, причем рассматриваются названия меда и в индоевропейских языках, территория распространения меда и пчелы (ср. работу Тарановского "Пчелы и оси в поэзии Манделштама") и утверждается, что мед был первым опьяняющим напитком (с. словосочетание "прародительский мед" - с.76 и замечание об особой роли меда у русских - с.74). Тем более важно, что глава начинается с обзора классических свидетельств о пьянстве у германцев, причем, цитируются стихи римской антологии: "Средь неистовых "hail[s]" и криков о пиве и мясе, / Кому ж на ум придет писать разумные строфы / В пару с разнузданным Вакхом боится идти Каллиопа" (с.70), ср. "Но северные скальды грубы¹ / Не знает радостной игры / И северным дружинам любви / Янтарь, пожары и пиры" - ср. у Шредера сближение гот. druc-gan др.-верх.-нем. truht с русск. дружина (с.118).

4. То, что "славянский и германский лень" отнесены к "праарийской колыбели", может соотноситься не только с реконструкцией славяно-германского единства, но и с помещением индоевропейской прародины в район нынешнего распространения славян или германцев (в связи с отмеченными упоминаниями Рейна - ср. Рейн, как западная граница территории, на которой могла находиться прародина индоевропейцев, у Шрадера - с.192, 204). Отметим, что "светлый облик северного мужа", с которым сравнивается "Валгалы белое вино", может относиться к антропологическому признаку германцев, ср. при этом (об облике индоевропейцев в период единства): "внешность были скорее северяне, чем южане, т.е. скорее <...> светловолосы, нежели чернявые" (с.32), - в частности, это - выделение общего признака славян и германцев, как и слово северный (ср. край Гипербореев о

¹ Латинский источник здесь очень вероятен, эта строка, если даже не интерпретировать ее "географически", как указание на точку отсчета (ср. пушкинское "далеко на севере в Париже), во всяком случае моделирует "классическое" восприятие варваров-германцев.

Петербурге, а также сравнение русских со скифами - варварами, в противопоставлении Риму в стихотворении "О временах простых и грубых"). Возвращаясь к "источнику речи италийской", отметим предположение о движении италийцев с севера на юг (с.27).

5. Мы не пытались доказать, что именно книга Шрадера была источником для Мандельштама, однако из сказанного видно, что смысл некоторых мест у Мандельштама проясняется при предположении "лингвистического ("индоевропейского") подтекста". Книга Шрадера может быть просто представителем некоторого класса источников, типа популярных сведений о индоевропейской проблематике в 1910-х гг., и на основании сказанного можно утверждать, что с каким-то подобным источником Мандельштам был знаком (впрочем, что, что таким источником действительно была указанная работа, вовсе не невероятно).